

УДК 82-93

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ОСНОВА МАЛОЙ ПРОЗЫ И. ПАНТЕЛЕЕВА

Бахор Т.А., Лобарева В.С., Зырянова О.Н.

*Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета,
Лесосибирск, e-mail: tamarales@mail.ru*

Работа выполнена в рамках изучения региональной литературы, являющейся частью общероссийского литературного процесса и отражающей явление самоидентификации носителей сибирского менталитета. В статье охарактеризованы архетипы ребенка, старца, дома и формы их проявления в малой прозе И. Пантелеева. Архетипическая основа выявляется в таких произведениях писателя, как «Голубые звезды», «Лебеденок», «Чужой». Основное внимание уделяется анализу архетипического и конкретно-исторического конфликта отцов и детей, особенностям построения системы персонажей, образам и деталям, имеющим символическое значение. Использование метода мифопоэтической реставрации позволяет сделать вывод о преобладании онтологического аспекта в содержании рассказов и повести И. Пантелеева, рассмотренных в сопоставлении с произведениями В. Астафьева, Ф. Абрамова, относящимися к «деревенской прозе».

Ключевые слова: архетип, ребенок, старец, дом, конфликт поколений, региональная литература

THE ARCHETYPAL BASE OF SHORT PROSE OF I. PANTELEEV

Bahor T.A., Lobareva V.S., Zyryanova O.N.

*Lesosibirski Pedagogical Institute the agency of Siberian Federal University, Lesosibirsk,
e-mail: tamarales@mail.ru*

The work has been done as part of a regional study of literature, which is part of the Russian literary process and reflecting the phenomenon of self-identification of carriers of the Siberian mentality. The article described the archetypes of a child, elder, home and their manifestations in the form of short prose I. Panteleev. The archetypal foundation revealed in such works of the writer as «Golubie zvezdi», «Lebedenok», «Chuzoi». Focuses on the analysis of the archetypal historic conflict between fathers and children, the construction of the characters, images, and details that have symbolic meaning. The using of mythopoetical restoration allows us to suggest the dominating of the ontological aspect of the content of the stories and novels I. Panteleeva considered in relation to the works of V. Astafeva, F. Abramov, belonging to the «village prose».

Keywords: archetype, child, elder, home, generational conflict, the regional literature

Художественные произведения, повествуящие о жизни подростков в XX веке, репрезентируют архетипическую основу важнейших конфликтов эпохи, главенствующий среди которых – конфликт детей и отцов [3, 4]. В таких текстах выявляются ценностные ориентиры эпохи, определяются пороговые ситуации, отражающие процесс взросления героя, его укоренения в бытии.

Произведения Ивана Пантелеева (1924–1994), известного сибирского писателя, привлекают читателей отсутствием прямой проповеди этических норм. В его рассказах и повестях «...развертывается извечная борьба добра со злом, правды с ложью, справедливости и честности с холодным расчетом и несправедливостью» [1]. Малая проза И. Пантелеева 1960–1980-х гг. («Голубые звезды», «Лебеденок», «Чужой» и др.) отражает замеченные писателем тенденции изменения семьи как ближайшего и наиболее авторитетного для ребенка субъекта социализации. Интерпретация произведений посредством обращения к архетипическим мотивам позволяет выявить глубинные смыслы художественных текстов, определяющие их значение в социокультурном контексте эпохи.

Хрестоматийно известным произведением И. Пантелеева, созданным в середине

1960-х гг., стал рассказ «Голубые звезды» [5]. Ситуация, положенная в основу данного произведения, проста. После неудачной схватки на таежной тропе с медведем-шатуном (знак темного природного начала) нравственно надломился опытный охотник Назар Сафонов, отец юного Николки. Утратив веру в себя, мужчина спивается, теряет уважение односельчан. Не случайно односельчане перестали величать отца мальчика, как прежде, по имени и отчеству, а наделяют его презрительной кличкой «Зорька» («как корову»). Все это побуждает подростка помочь отцу уйти из-под власти темного начала, обрести прежнее уважение людей. И когда завистливые городские рыболовы пытаются напоить Назара Петровича, чтобы забрать у него только что выловленного пудового тайменя, Николка не позволяет им этого. Таймень, добытый отцом, является воплощением архетипического образа рыбы («царь-рыбы»), водного чудовища («...толстый, будто обрубленный, голова большая, черная, слегка приплюснутая сверху, нижняя челюсть, как у щуки...», а в широко раскрытую зубастую пасть, пожалуй, запросто пролезет Николкина голова... Такой страшила...»), который в представлении древнего человека выступал как спаситель жизни [7]. И. Пантелеев акценти-

рует в своем рассказе именно эту функцию рыбы: Николка «представил, как, вернувшись домой, они будут сдавать рыбу, и рыбаки, увидев тайменя, удивленно ахнут..., будут смотреть на отца с почтительным уважением». Мальчик яростно борется с нечестными людьми и в этом неравном поединке одерживает над ними свою первую большую нравственную победу.

Жанр произведения (социально-психологический рассказ), расстановка персонажей, выбор средств и приемов воплощения авторской позиции определены нравственной проблематикой текста. Но в основе образа Николки явно ощущается архетип ребенка, функция которого – воплотить «не только то, что существовало в далеком прошлом, но и нечто, существующее сейчас», способствовать устранению «опасности отрыва от своих корней» [9]. Красноярский писатель обращается к архетипическим мотивам, воплощая процесс самореализации героя.словно следуя К. Юнгу, утверждающему, что «природа (мир инстинктов) берет «младенца под свое крыло» [9], И. Пантелеев показывает гармоничные отношения подростка с окружающим миром: горами, лесом, рекой, собакой. Поэтому читателей не удивляет мастерство юного рыбака, который поймал в предгрозовую вечер столько хариусов, что хватило на выкуп тайменя.

Николка, как и другие близкие писателю персонажи, реализующие архетипический мотив ребенка, связан с изначальным состоянием мира, воплощенным в природе. Подобные герои комфортно чувствуют себя в лесу и неуверенно – в поселке, где в каждом прохожем видят своего врага. Победа над темным началом – смысл основных действий ребенка – героя рассказа «Голубые звезды».

Подросток представлен здесь как единственный персонаж, интуитивно следующий традиционным нормам жизни. Николка стремится вернуть прежнее состояние жизни, осознаваемое им нормой существования человека в обществе. Все подвиги персонажа, направленные на борьбу с темным началом, по сути, реализуют архетип ребенка. Такова борьба Николки с известным деревенским забиякой Пашкой Селиховым, который был старше мальчика на два года. Таково стремление Николки увести отца в лес, чтобы уберечь от алкоголя: «В тайге отец не пил..., кругом такая красота, что не то, что про водку, про все на свете забыть можно. Отец любил тайгу» [5]. Таково стремление подростка защитить отца от «городских рыбаков» в лесной избушке.

Типологически рассказ «Голубые звезды» И. Пантелеева продолжает традиции

В.П. Астафьева, который всем своим творчеством, начиная с ранней повести «Перевал» (1959), предостерегает читателей об опасности отрыва от корней. Астафьевский герой Илька более одинок, чем Николка в рассказе И. Пантелеева. У Ильки мать утонула, отец не может быть защитником сына, жизнь с мачехой оказывается чередой «боев с кровопролитием» и «боев без кровопролития» [2]. Но герой в этих боях одерживают победу, что свойственно архетипу ребенка.

В повести В.П. Астафьева «Перевал» процесс возмужания личности, ее самореализации представлен как дорога Ильки к бабушке и дедушке, к родовым корням, как возвращение в родную деревню из «далекого поселка», временное существование которого признается всеми его обитателями. Перевал – метафорический образ, воплощающий авторскую оценку процесса взросления как духовного устремления героя ввысь. Илька уходит из дома ребенком, а, преодолевая перевал, мужает, становится взрослым человеком.

В анализируемых произведениях Астафьева и Пантелеева большую роль играет архетипический образ воды, традиционно соотносимый с пробуждением к жизни, очищением. Омовение водой часто воплощает акт нового рождения, что, по сути, и представлено в повести В.П. Астафьева. Илька, принятый в артель сплавщиков, достойно проходит все испытания рекой, приобретая статус взрослого человека: «Он уже зарплату получил, <...> и твердо знал, что если в жизни будет когда-нибудь трудно, <...> надо бежать не от людей, а к людям» [2].

В рассказе И. Пантелеева взросление Николки, ощутившего всю полноту ответственности за своего отца, тоже связано с водой: у реки Агул он одерживает победу над городскими рыбаками, преодолевая рокошующие пенные буруны, увозит отца от собутыльников... Но в отличие от повести «Перевал» в рассказе «Голубые звезды» открытый финал. Завершение борьбы за тайменя не означает, что отец Николки кардинально изменился, перестал пить. Подростку предстоит еще многое сделать, чтобы отец стал прежним. Если В.П. Астафьев изображает Ильку в окружении поддерживающих его сплавщиков, то И. Пантелеев показывает одиночество своего героя. Если у астафьевского Ильки, лишенного родительской заботы, есть бабушка и дедушка, указывающие ему нравственные ориентиры, то родовые связи своего героя И. Пантелеев ограничивает. Николка верит в возрождение отца, хотя основания для такой уверенности писатель не указывает.

Тема семьи, проблема отношений отцов и детей остаются центральными и в малой прозе И. Пантелеева в 1970-е гг. Таков, например, рассказ «Лебеденок», тематически примыкающий к исторической прозе о становлении Советской власти в Сибири. Отец Андриюшки, главного героя рассказа, – секретарь деревенской партийной ячейки. Советская власть поручила ему «важное дело»: съездить в район, посмотреть, как в других колхозах люди живут и работают. И это «важное дело» завершается для Николая Ивановича трагически: он погибает от рук врагов. Андриюшка становится сиротой не только потому, что убили его отца, но и потому, что мальчика бросила мать. Она «не стала жить с ними в деревне», сказала, что «не хочет губить молодость». На прощание «поплакала немножко, потом поцеловала Андриюшку в лоб, пообещала забрать к себе, как устроится в городе, и укатила на попутной подводе» [5]. Для матери собственное благополучие намного дороже, чем родной сын, его счастье. Она так и не вернулась обратно в деревню, не забрала Андриюшку: «забыла, наверно, про него» [5].

Автор показывает, как происходило разрушение основ семьи, когда самые близкие люди, которые должны быть вместе, отдалились друг от друга, подменив семейные ценности ценностями индивида и государства. Так, отец, чтобы сын не мешал ему воплощать свои политические идеи, помещает Андриюшку в чужую и чуждую ребенку семью. Для Николая Ивановича счастье других людей важнее, чем счастье и благополучие собственного ребенка. И даже освободившись от дел, отец решает не сразу съездить за сыном: «завтра, говорит, за сыном поеду» [5]. Вражеский выстрел делает их встречу невозможной, и причина разрушения дома выводится повествователем за пределы семейного круга.

Оба рассказа писателя («Голубые звезды» и «Лебеденок») связаны темой одиночества ребенка в окружающем мире. Герои лишены не только родительской заботы, ласки, защиты, они лишены самого дома, который издревле знаменовал собой «не только постройки, но и гораздо шире – семью, людей, живущих под одной крышей» [6], особое культурно-историческое пространство, воспитывающее человека, позволяющее ему раскрыть свои способности. Мальчик живет в школьной пристройке, в которой, «кроме Андриюшки с отцом, поселились школьный сторож – дядя Егор и уборщица тетя Глаша, а с ними их семилетний сын Мишка и маленькая дочь Дуська» [5]. Временное жилище или отсутствие собственного дома – важнейшая характери-

стика художественного мира красноярского писателя, в малой прозе которого воплощаются разные аспекты архетипа дома. В анализируемых произведениях бездомные герои указывают на их нахождение в «чужом» культурном пространстве, характеризующемся неукорененностью, безродностью, разрывом с культурным наследием предков» [8]. Образ-мотив дома, важнейший в «деревенской прозе», объединяет (это представлено, например, в романе Ф. Абрамова «Дом») в себе все аспекты существования человека как члена семьи, жителя родной деревни, гражданина своей страны.

Повесть «Чужой», созданная И. Пантелеевым в конце 1980-х гг., типологически примыкает к ряду произведений русской литературы 1980-1990-х гг., повествующих о разрушении семьи, о разрыве родовых связей, о девальвации семейных ценностей [4]; ее место – в одном ряду, например, с романом Ф. Абрамова «Дом». В повести «Чужой» изображен процесс угасания традиционного для деревенских жителей сочувствия попавшему в беду человеку. Большинство односельчан равнодушно относятся к судьбе мальчика. И хотя писатель, хорошо знавший жизнь сибирской деревни, находит героев, олицетворяющих собой прежний патриархальный уклад, при котором несли ответственность все за всех, таких персонажей немного. Таковы «деды – бессердечники», которые, находясь в больничной палате и предчувствуя свой скорый уход, заботятся о 11-летнем Ленке, оставшемся круглым сиротой. Архетип старца, по наблюдению К. Юнга, «появляется в тот момент, когда герой находится в безнадежном и отчаянном положении» [9]. И. Пантелеев изображает трансформацию архетипа: исчезает способность стариков видеть будущее и влиять на него. Болезнь и смерть этих персонажей, на наш взгляд, воплощает мысль писателя об угасании, исчезновении лучших качеств людей, отражающих высокие нравственные законы.

Определяя тип образа отчима Ленки, можно увидеть его связь с «блудным сыном», отошедшим от системы ценностей отцов. Его возвращения к родному дому И. Пантелеев не видит.

Осмысление архетипов, отраженных в анализируемых рассказах И. Пантелеева, позволяет читателю отчетливо представить авторскую оценку современной семьи как лишенной цельности. Ее ценности оказываются вторичными по сравнению с ценностями эгоистически направленной личности и государства. Основы для гармоничного сочетания ценностей человека и государства писатель не находит. Ребенок оказы-

ваются невольным участником внешнего конфликта: политического – в «Лебеденке», социально-психологического – «Голубых звездах». Если в рассказе «Голубые звезды» борьба Николки за своего отца, а значит, за семью, дом все еще продолжается, и читатель не лишается надежды на то, что отец может измениться и стать опорой семьи, то в рассказе «Лебеденок» семья Андрюшки предстает окончательно разрушенной. В повести «Чужой» разрушение дома интерпретируется как своеобразная точка невозврата к прежней культуре семейных отношений, к культурному наследию предков в целом.

Вывод: Иван Пантелеев, используя архетипы дома, ребенка, старика, воплощает в своих произведениях представление о жизни деревни 1970-1990-х гг. как периоде окончательного разрушения традиционных ценностей русской семьи.

Список литературы

1. Антошин К. В мире добра и человечности // Енисей. – 1974. – № 5. – С. 31–34.
2. Астафьев В.П. Собр. Соч.: В 15-ти т. – Т.2. – Красноярск: «Офсет», 1997. – С. 5–109.
3. Бахор Т.А. Конфликт поколений в рассказе М. Шолохова «Родинка» // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 12. – С. 85–87.
4. Разрыв родовых связей – проблема современной семьи (по повести Пантелеева И. «Чужой») / Т.А. Бахор, О.А. Ковалева, Е.А. Толкушкина, Т.В. Бахмутова, М.Н. Заяц // Современные исследования социальных проблем. – 2010. – № 2. – С. 66–89.
5. Пантелеев И.И. На Агуле. Повести и рассказы. – Красноярск, 1983. – 400 с.
6. Словарь символов и знаков / сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004. – 512 с.
7. Соколов М.Н., Топоров В.Н. Рыба. // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1997. – Т.2. – С. 391–393.

8. Шутова Е.В. Архетипы «дом» и «бездомье» и их объективация в духовной культуре: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Омск, 2011. – 26 с.

9. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов: пер. А.А. Спектор. – Минск: Харвест, 2004. – 400 с.

References

1. Antoshin K. In the world of good and humanity. Yenisei, 1974. no. 5, pp. 31–34.
2. V.P. Astafiev SOBR. CIT.: 15 so. Vol. 2. Krasnoyarsk: Offset, 1997, pp. 5-109.
3. Bahor T.A. Conflict of generations in the story of M. Sholokhov «Mole». Successes of modern natural Sciences. 2011. no 12, pp. 85–87.
4. Bahor T.A., Kovaleva O.A/, Tolkushkina E.A., Bakhmutova T.V., Zayats M.N. The gap generic links – the problem of a modern family (on the novel by I. Panteleev «Other») Modern researches of social problems. 2010, no. 2, pp. 66–89.
5. Panteleev I.I. Na Agule. Novels and short stories. Krasnoyarsk, 1983, 400 p.
6. Dictionary of symbols and signs. Sost. N.N. Rogalevich. Minsk.: Harvest, 2004, 512 p.
7. Sokolov M.S., V.N. Toporov. The fish. The myths of the peoples of the world. Encyclopedia: 2-ht. CH. editor S.A. Tokarev. M: Russian encyclopedia, 1997. Vol. 2, pp. 391–393.
8. Shutova E.V. Archetypes «house» and «бездомье» and the materialization of spiritual culture: Avtoref. dis. kida philosopher. sciences. Omsk, 2011, 26 p.
9. Jung C.G. Soul and myth. Six archetypes. Per. A.A. Spektor. Minsk: Harvest, 2004, 400 p.

Рецензенты:

Суворова П.Е., д.ф.н., профессор кафедры «Философия и культурология» Поволжского государственного университета сервиса, г. Тольятти;

Толысбаева Ж.Ж., д.ф.н., профессор, проректор по учебной работе Каспийского государственного университета технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова, г. Актау.

Работа поступила в редакцию 19.07.2013.